

ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ

Игорь Фроянов

ЗАГАДКА КРЕЩЕНИЯ РУСИ

ВО ЧТО
МЫ ВЕРИЛИ
И ВЕРИМ

Игорь Яковлевич Фроянов

Загадка крещения Руси

Серия «Популярная история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24724254

Загадка крещения Руси / Фроянов И. Я.: Алгоритм; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-35708-6

Аннотация

Книга известного отечественного историка И. Я. Фроянова «Загадка крещения Руси» посвящена ключевому моменту русской истории. В 988 году в днепровскую воду вошли племена полян, древлян, северян и прочих обитателей Киевского государства, а вышел единый русский народ, объединенный единой верой, культурой и любовью Христовой. До сих пор это событие до конца не изучено.

Содержание

Феномен И. Я. Фроянова и отечественная историческая наука	4
Глава 1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

И. Я. Фроянов

Загадка крещения Руси

Феномен И. Я. Фроянова и отечественная историческая наука

В. В. Пузанов

Творчество и сама жизнь Игоря Яковлевича Фроянова являются ярким примером «связи времен», в которой сохраняется историческая преемственность поколений и живая душа народа. Труды И. Я. Фроянова открыли новую страницу в изучении древнерусской истории и новую эпоху отечественной историографии. Никогда не откликаясь на менявшуюся политическую конъюнктуру, они были и остаются примером научной принципиальности и честности, образцом бескорыстного служения науке и Отечеству. Характеризуя жизнь и деятельность И. Я. Фроянова, известный наш историк Ю. Г. Алексеев писал: «Путь историка – вот стезя его служения России, вот его место в строю. Он – солдат по происхождению, по биографии, по темпераменту, по глубокому внутреннему чувству долга. Нет чести выше, чем быть солдатом России. И это звание он заслужил»¹. Эти слова патри-

¹ Алексеев Ю. Г. За Отечество свое стоятель // Фроянов И. Я. Начала Русской

арха исторической науки очень глубоко и точно характеризуют место и роль И. Я. Фроянова в современной историографии и в общественной жизни страны.

Каждая эпоха выдвигает свою ключевую фигуру историка, которая определяет развитие науки на достаточно длительный период времени. Этот ученый может быть не признан официальной наукой, которой он нередко просто опасен, однако его труды взрывают устоявшиеся стереотипы и уже этим дают толчок новому этапу познания. Еще значимее результат таковой деятельности, если сам возбудитель спокойствия заложит прочный фундамент для нового этапа познания, на котором смогут работать его современники и последующие поколения. Именно к такой категории ученых принадлежит И. Я. Фроянов.

Научная деятельность И. Я. Фроянова давно стала объектом пристального внимания. Однако, независимо от личного отношения авторов к творчеству ученого, полной и объективной оценки она не получила. Это неудивительно. Необычайно масштабна личность ученого, необычайно глобальны и всеобъемлющи его научные взгляды, слишком сложны и противоречивы этапы познания и историческая эпоха, на которые пришлась деятельность И. Я. Фроянова, слишком близок объект исследования, чтобы его разглядеть в полном объеме, слишком много субъективных факторов, препятствующих беспристрастной оценке. Не одно поколение

исследователей, несомненно, будет обращаться к изучению научной и общественной деятельности выдающегося русского историка, открывая все новые и новые грани познания незаурядной личности. Конечно, и спустя время однозначных оценок не будет. Однако, как бы кто ни сопротивлялся этому, имя И. Я. Фроянова уже четко и навсегда выбито на скрижалях истории. В этой связи показательно, что в обобщающем академическом труде по древней истории Украины И. Я. Фроянов назван в числе российских историков, внесших выдающийся вклад в изучение истории Руси наряду с Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским, С. В. Юшковым, А. Н. Насоновым, Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым, В. А. Рыбаковым, В. Т. Пашуто и В. Л. Яниным².

Место и роль И. Я. Фроянова в отечественной науке невозможно понять вне контекста развития последней, по крайней мере за предшествующее нам семидесятилетие.

Марксистская концепция русской истории окончательно складывается в 1930-е годы. Важнейшую роль в этом сыграли дискуссии 1928–1930 годы об общественно-экономических формациях, в ходе которых утвердилась пятичленная схема прогрессивного развития мировой истории от перво-

² Давня історія України. Т. 3. Слов'яно-руська доба. Київ, 2000. С. 9. Следует отметить, что концептуально позиция И. Я. Фроянова весьма серьезно расходилась с позицией украинских историков. Многие из них вели с ним острую полемику. Поэтому данная объективная оценка его исследовательской деятельности особенно ценна и характеризует научную беспристрастность и принципиальность наших украинских коллег с наилучшей стороны.

бытнообщинной формации, через рабовладельческую, феодальную и капиталистическую к коммунистической (в рамках последней выделяли две фазы: социалистическую и собственно коммунистическую). Последовательная смена общественно-экономических формаций объяснялась антагонистическими противоречиями между новыми производительными силами³ и устаревшими производственными отношениями⁴. Поэтому на определенном этапе последние становятся тормозом для развития первых, что неизбежно приводит к социальной революции, в результате которой устанавливаются новые производственные отношения, соответствующие уровню развития производительных сил и открывающие простор для их свободного развития и т. д. Сильной стороной марксистской формационной теории была тенденция рассматривать человеческое общество как единый социальный организм, включающий в себя все общественные явления в их органическом единстве и взаимодействии на основе способа производства. К недостаткам следует отнести ярко выраженный евроцентризм⁵, догматизм⁶, жесткий

³ «Производительные силы, система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между обществом и природой в процессе общественного производства». См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 535–537.

⁴ Производственные отношения – не зависящие от сознания людей отношения, складывающиеся между ними в процессе общественного производства, обмена и распределения материальных благ.

⁵ Как следствие, сложности при втискивании в ее рамки исторических процес-

детерминизм.

Особое значение в марксистской историографии придавалось проблеме перехода от первобытнообщинной, неантагонистической формации к антагонистическим, классовым обществам. Важную роль в формировании марксистской концепции древнерусской истории сыграли труды Б. Д. Грекова. В споре с оппонентами он выдвинул положение о том, что славяне, германцы и ряд других народов миновали в своем развитии рабовладельческую формацию, перейдя непосредственно от первобытнообщинного строя к феодальному. Новые феодальные порядки зарождались уже в недрах родоплеменного строя вследствие развития производительных сил, появления устойчивого прибавочного продукта⁷, частной собственности и классов. Поскольку в аграрном обществе основным средством производства⁸ явля-

сов, протекавших за пределами так называемой классической модели, представленной историей нескольких наиболее развитых регионов Европы.

⁶ Все остальные методологические концепции объявлялись «буржуазными», а следовательно – ненаучными. Весьма болезненно официальная наука относилась и к любым попыткам корректировки пятичленной формационной теории, предпринимаемым в рамках марксистской методологии. Яркий пример – прекращение дискуссий по «азиатскому способу производства», которые возобновятся уже только в 1960-е гг. Это обрекало саму теорию на стагнацию и изоляцию от мировой науки.

⁷ Избыток продуктов над непосредственными потребностями общин в средствах существования. Иными словами – появляется постоянный запас в виде зерна и скота, который превышал потребности общины в пище и посевном материале.

⁸ Включают в себя предметы труда (сырье и т. п.) и средства труда (орудия тру-

ется земля, то формирование двух основных классов феодального общества – феодалов и феодально-зависимого крестьянства – шло по линии ликвидации свободного крестьянского землевладения и концентрации земли в руках знати и наиболее предприимчивых сообщинников. Эксплуатация обезземеленного крестьянства осуществлялась первоначально в виде примитивной отработочной, а потом натуральной ренты. Естественно, что крестьяне, бывшие еще в недавнем прошлом собственниками своих земельных участков, не мирились с новым порядком вещей, поднимаясь на классовую борьбу. Стремясь удержать свое экономическое господство, класс феодалов создает государство как инструмент своего политического господства и подавления сопротивления угнетенного крестьянства. Таким образом, появление государства стало следствием становления классового общества. Подобно другим раннефеодальным государствам, древнерусское государство оказалось недолговечным. Вследствие начавшегося процесса феодальной раздробленности оно распалось на ряд независимых княжеств.

Историческая концепция Б. Д. Грекова не сразу стала доминирующей в советской историографии. Некоторые исследователи выделяли особый, так называемый дофеодальный период в истории восточных славян, предшествующий собственно феодальному. Другие вели речь о рабовладельческом характере древнерусского общества, доказывая, что

да, производственные здания, обрабатываемая земля, транспорт, хранилища).

Русь, как и другие страны, не могла перейти к феодальной формации, минуя рабовладельческую. Однако к 1940-м годам взгляды Б. Д. Грекова возобладали в отечественной науке. Более того, наметилась четкая тенденция на удревнение процессов становления классового общества у восточных славян. Сам Б. Д. Греков в последних своих работах, особенно под влиянием работ археологов (Б. А. Рыбакова и др.), начало разложения родо-племенного строя у восточнославянских племен относил к периоду не позднее V века, находя «жилища-замки... богатых землевладельцев» с VII века. Приблизительно столетие спустя, по его мнению, «на территории Восточной Европы возникло несколько государственных образований», прямых предшественников «обширного Древнерусского государства» (Куявия, Славия и Артания восточных авторов). «...Мы не ошибемся, – писал он, – если скажем, что с IX века, во всяком случае, можно, говорить о наличии на Руси феодального способа производства, можно говорить об оформлении феодального базиса».

Концепция Б. Д. Грекова, стройная и логичная на первый взгляд, страдала схематичностью, статистичностью и несоответствиями многих концептуальных положений историческим фактам. В частности, ни Б. Д. Грекову, ни его сторонникам не удалось доказать фактическими данными наличие вотчинного землевладения в IX–X веках и тем более в предшествующий период. Это обстоятельство подрывало устойчивость главной идеи Б. Д. Грекова о феодальном, классовом харак-

тере древнерусского общества, что, в свою очередь, разрушало и научные конструкции, представлявшие Киевскую Русь в виде раннефеодальной монархии. Ведь если не было крупного землевладения, то, следуя в обратном порядке логики Б. Д. Грекова, не могло быть и классов и, следовательно, государства как продукта классового общества. Поэтому с конца 1940-х годов ряд историков начали поиски новых путей феодализации и классовообразования в древнерусском обществе. Итогом их стало становление концепции «государственного феодализма», окончательно оформившейся в 1950-е годы в трудах Л. В. Черепнина и его последователей. В отличие от Б. Д. Грекова, рассматривавшего становление феодальных отношений по линии формирования вотчинного землевладения и эксплуатации в его рамках обезземеленных крестьян, Л. В. Черепнин и его сторонники вели речь о формировании, прежде всего, верховной собственности на землю (персонифицировавшейся в князе, государстве и т. п.) и эксплуатации лично свободного крестьянства посредством дани-ренты. Иными словами, вся земля в Древней Руси, согласно данной точке зрения, являлась коллективной собственностью господствующего класса, осуществлявшего коллективную эксплуатацию крестьян. Одновременно представители господствующего класса могли являться и крупными землевладельцами-вотчинниками, осуществляя частную эксплуатацию лично зависимого от них населения. Концепция «государственного феодализма», призванная спасти

основную идею Б. Д. Грекова о феодальном характере древнерусского общества, будет доминировать в нашей историографии до конца XX столетия.

Начало научной деятельности И. Я. Фроянова приходится на 1960–1970-е годы. Это было своеобразное время. С одной стороны, доминировала уверенность в незыблемости основных концептуальных положений, оформившихся в марксистской исторической науке и превратившихся в совокупность догматов в середине 1950-х – первой половине 1960-х годов. С другой – все больше и больше исследователей начинали тяготиться излишней детерминированностью и жесткостью пятичленной формационной концепции. Следствием этого явились активизировавшиеся с 1960-х годов попытки ее корректировки, выразившиеся в выделении межформационных периодов, поиске новых формаций и т. п. В рамках этих поисков возобновляется прерванная на рубеже 1920–1930-х годов дискуссия об азиатском способе производства, а А. И. Неусыхин, на новом уровне осмысления, вновь поднимает вопрос о существовании особого «дофеодального» периода, предшествующего классовому обществу. Не остались без внимания и «надстроечные явления» в частности проблема генезиса государственности. А. И. Неусыхин высказал мысль о том, что т. н. «варварские королевства» в Европе представляли своеобразную форму государственности («варварское государство»), которые не являлись классовыми по природе. Тогда же М. А. Виткин высказал мнение о

том, что государство на Древнем Востоке возникает еще до оформления классового общества.)

Происходят постепенные сдвиги и в изучении проблем перехода от феодальной формации к капиталистической. Своеобразным подведением итогов здесь стала Всесоюзная дискуссия, проходившая 2–4 июня 1965 года в Москве. Авторы коллективного доклада (И. Ф. Гиндин, Л. В. Данилова, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, А. П. Новосельцев, Н. И. Павленко, М. К. Рожкова, П. Г. Рындзюнский) выступили против попытки подтягивать процессы, протекавшие в России, к аналогичным процессам в передовых странах Европы. Формирование капиталистического уклада в России и начало переходного этапа к капитализму они отнесли не ранее чем к 60-м годам XVIII столетия. Это был известный выпад как против господствующей точки зрения, основывающейся на ленинской периодизации, о генезисе капитализма с XVII века, так и против С. Г. Струмилина и Д. П. Маковского, возводивших указанные процессы к рубежу XV–XVI веков. К сожалению, в последнем случае авторы доклада за действительными недостатками не усмотрели, пусть слабую, тенденцию к отказу от линейного понимания исторического процесса. Эту тенденцию не только заметил, но и четко выразил А. С. Сумбатзаде. С одной стороны, он выступил против попыток ускорить исторический процесс, с другой стороны, указал на зигзагообразность экономического развития. «С этой точки зрения, если посмотреть на историю

России, я думаю – говорил он, – что в XV–XVI веках, даже в начале XVII века, в России для развития элементов и отношений капитализма, может быть, были гораздо большие возможности, чем во второй половине XVII и первой половине XVIII века». Обоснованность подобного подхода была подтверждена исследованиями Н. Е. Носова, обнаружившего зачатки капиталистических отношений в чернососных районах Севера конца XV–XVI века. В сходном направлении работал М. Я. Волков, увидевший в истории России XVII века альтернативу социально-экономического развития по феодально-крепостническому или по буржуазному пути.

Наконец, в 1960-е годы оформляется так называемое «новое направление» в советской историографии, представители которого перенесли акцент с изучения зрелых форм капитализма в России начала XX века на анализ «взаимодействия» и «срачивания» передовых форм капитализма с остатками докапиталистических укладов. В этой связи по-прежнему представала роль различных социальных слоев в революционных потрясениях, в том числе рабочего класса и крестьянства. Характерно, что, обращаясь к ранним периодам отечественной истории, представители «нового направления» опирались на положения уже упоминавшихся Л. В. Даниловой, Н. И. Павленко и ряда других сторонников теории позднего становления капитализма в России.

В изучении Древней Руси в 1950-х – первой половине 60-х годов, казалось, все шло по пути, проторенному Б. Д. Греко-

вым. Древнерусское общество безоговорочно признавалось феодальным. Вопрос заключался в том, возводить начало феодальной формации к IX веку или к более раннему периоду и каким временем датировать начало эпохи развитого феодализма. Жесткое, даже порой хронологическое подтягивание отечественного феодализма к западноевропейскому иногда доходило до абсурда. Например, Русская Правда, стоящая в типологическом ряду т. н. «варварских правд», представлявших кодификацию норм обычного права, трактовалась как кодекс феодального права, что вызвало неподдельное недоумение такого выдающегося специалиста в области европейского средневековья, как А. Я. Гуревич. Вместе с тем, отмеченное выше противоречие концепции Б. Д. Грекова никуда не исчезло, а попытки разрешить его с помощью теории государственного феодализма, несмотря на все увеличивавшееся количество ее приверженцев, были бесперспективными.

Более аргументированной и, в итоге, весьма перспективной оказалась корректировка концепции Б. Д. Грекова в работах Ю. Г. Алексеева. Занимаясь аграрной историей XV–XVI веков, он показал неразвитость феодальных отношений на Руси, отодвинув конечную грань эпохи раннего феодализма до второй половины XVI столетия⁹. Заключительный этап аграрной истории раннего русского феодализма он связывал

⁹ В советской историографии доминировала точка зрения, что эпоха развитого феодализма на Руси наступает уже в XI в.

с уничтожением в центре страны свободного крестьянского землевладения (черной волости), вследствие чего «земля стала на практике, как и в теории, монопольной собственностью класса феодалов». Логическим и историческим следствием ликвидации свободной крестьянской общины стало введение крепостного права.

Одним из главных возмутителей спокойствия в середине 1960-х годов стал А. А. Зимин, вновь поднявший вопрос о значительной роли рабства в процессах социогенеза на Руси. Однако наибольший резонанс получило его исследование, посвященное «Слову о полку Игореве», как по выводам автора, отрицавшего древность памятника, так и по административным последствиям. Кардинальный же отход от прежних представлений о Древней Руси, от догматического видения исторического процесса начался с трудов И. Я. Фроянова, положивших начало новому этапу историографии средневековой Руси.

Несомненно, что свою роль в становлении концепции И. Я. Фроянова сыграли и научное окружение, и историографическая ситуация, и историческая эпоха в целом. Являясь учеником В. В. Мавродина, он ощущал неизменную поддержку учителя, видевшего, видимо, в нем ученого, способного сделать то, что не удалось ему самому по ряду причин. Известное влияние оказали на молодого исследователя А. А. Зимин и А. Л. Шапиро, идеи А. И. Неусыхина и представителей «нового направления» (И. Я. Фроянов в противовес устояв-

шимся традициям сделал акцент на изучении не феодальных, а дофеодальных институтов в их взаимодействии) и т. п. Однако, внимательно вглядываясь в историографическую ситуацию 1960–1980-х годов, непредубежденный исследователь увидит, что И. Я. Фроянов даже на начальном этапе своей деятельности был равноправным участником процесса обновления исторической науки, а к началу 1980-х годов занял здесь, безусловно, лидирующие позиции.

Концепция И. Я. Фроянова складывалась основательно, как добротное, на века построенное здание. От закладки фундамента и, далее, «по кирпичику», до возведения кровли. Первым делом ученый обратился к изучению социально-экономической структуры древнерусского общества и, прежде всего, к анализу природы зависимого населения. Уже первые статьи и кандидатская диссертация показали, что феодальные элементы не играли ведущей роли в системе социальных связей, а в системе эксплуатации преобладали рабские и производные от них формы.

Следующим важным этапом в научной биографии И. Я. Фроянова стала подготовка и защита в 1973 году докторской диссертации «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». В ней, помимо зависимого населения, ученый рассмотрел такие базовые для характеристики социально-экономического строя вопросы, как семья и община, возникновение городов, формы землевладения и их природа. Выводы, сделанные автором на основе непредвзя-

того анализа материала, произвели ошеломляющее воздействие на научную общественность. По его мнению, на Руси в XI–XII веках были и малые индивидуальные, и большие семьи, выделившиеся вследствие распада патриархальных родов. Последние преобладали. Древнерусская община – вервь – занимала промежуточное положение между семейной общиной и территориальной. Крупное землевладение возникло сравнительно поздно: княжеское – не ранее X, а боярское и церковное – не ранее XI века, посредством заимки пустых (свободных) неосвоенных земель и купли. Княжеские и боярские вотчины развивались с уклоном в скотоводство и промыслы, базировались, в основном, на рабском и полурабском труде. Основу благосостояния знати составляли неземельные доходы. Вотчины были немногочисленны, являясь островками в море свободного общинного землевладения. «Ни в X–XI, ни в XII веках правящая верхушка не имела достаточно сил, чтобы переварить свободную земледельческую общину».

В целом древнерусское общество представлялось И. Я. Фроянову как «сложный социальный организм, сочетающий разные типы производственных отношений». Со времен антов в недрах первобытного общества зародился рабовладельческий уклад, который в связи с развитием крупного землевладения во второй половине X–XI веке вступает в новую стадию развития. Примерно со второй половины XI века развивается феодальный уклад, вследствие чего вотчина

становится одновременно и рабовладельческой, и феодальной. Но в целом феодальный уклад уступал рабовладельческому. Однако подавляющая масса земледельческого населения Киевской Руси оставалась свободной. Поэтому «и рабовладельческий уклад, и феодальный решительно проигрывали по сравнению с общинным укладом...».

Значение работы не исчерпывалось только этими революционными для науки того времени выводами. Никогда еще в работах исследователей древнерусское общество не представало таким живым, постоянно развивающимся организмом. Стремление рассматривать исторические процессы в динамике станет одной из визитных карточек И. Я. Фроянова как исследователя.

Защита проходила в сложный для отечественной науки период. В этом же году состоялся разгром «нового направления», сопровождавшийся жесткими оргвыводами и ликвидацией сектора истории СССР периода империализма в Институте истории СССР АН СССР. Возникли первые серьезные проблемы и у И. Я. Фроянова. Его докторская диссертация надолго «зависла» в ВАКе. Начинался очередной поход против инакомыслия в исторической науке. В 1974 году вышла в свет первая монография И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории». Это был сокращенный вариант докторской диссертации. В ней, сохраняя неизменным основное содержание, И. Я. Фроянов смягчает отдельные формулировки, отказывается от некото-

рых определений, в частности в вопросе по укладам. Возможно, это была своеобразная плата за то, чтобы книга увидела свет. Как бы то ни было, значение ее для развития отечественной историографии огромно. Отныне, с одной стороны, сложилась логическая цепочка: концепция И. Я. Фроянова – концепции позднего генезиса капитализма – «новое направление». С другой стороны, концепция социально-экономического развития Древней Руси И. Я. Фроянова противоречила «линейной» схеме исторического процесса и позволяла органично использовать результаты, полученные Д. М. Маковским, Н. Е. Носовым, М. Я. Волковым и др.

Книга была замечена научной общественностью и сразу же подверглась критике со стороны ортодоксальной историографии. Но это была лишь прелюдия тех драматических событий, которые разыгрались после выхода в свет в 1980 году второй монографии И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории». В ней дан глубокий анализ основных политических институтов Древней Руси, таких, как князь, дружина, вече, народное ополчение. Здесь же характеризуются категории свободного населения Древней Руси, прослеживается взаимодействие различных политических институтов, поднимается и решается по-новому вопрос о сеньориальном режиме. Анализ источников привел И. Я. Фроянова к кардинально новым выводам, идущим вразрез с устоявшимися в науке взглядами. Институты княжеской власти и дружина оказались лишенными феодального содер-

жания, определилась главенствующая роль народных собраний в политической жизни русских земель, основная масса свободного люда предстала деятельным субъектом исторического процесса.

Принципиально важным и особо новаторским стало появление заключительного, седьмого очерка, посвященного социально-политической роли древнерусского города. Он явился как бы продолжением параграфа диссертации, посвященного историческим предпосылкам и причинам возникновения городов. В историографии того времени доминировала точка зрения, обоснованная М. Н. Тихомировым и связывавшая процесс градообразования с процессами феодализации общества. И. Я. Фроянов в работах начала 1970-х годов обосновал мнение о появлении городов на позднем этапе родового строя на основе племенных центров. Развивая эти мысли в монографии 1980 года, он приходит к выводу о том, что древнерусские земли XI – начала XIII века являлись не монархиями-княжествами, а городами-государствами, типологически сопоставимыми с городами-государствами древности. Причем, опять же ново, эти государства не были классовыми по природе. В итоге на смену устоявшимся схемам (деление общества на классы – государство; раннефеодальная монархия – княжества эпохи феодальной раздробленности) пришла новая оригинальная трактовка процессов политогенеза на Руси.

Окончательно концепция древнерусского социо- и поли-

тогенеза оформится в работах И. Я. Фроянова 1980-х – начала 90-х годов. Тем не менее, можно утверждать, что монография 1980 года завершила в основных чертах становление новой концепции истории Древней Руси.

Появление книги вызвало эффект разорвавшейся бомбы в рядах официальной науки. К монографии 1974 года, несмотря на критику, было относительно снисходительное отношение. Оппоненты, видимо, до конца не осознали масштабы явления и были мало уверены в том, что И. Я. Фроянову удастся логично связать свой взгляд на социально-экономический базис Древней Руси с представлениями о политической надстройке. Не случайно на защите 1973 года Л. В. Черепнин, выступавший в качестве официального оппонента, рассуждал: «Наконец, я снова возвращаюсь к Киевскому государству. Что же это за организм? Какова его классовая сущность? На какой базе оно возникало, если основой экономики являлось свободное крестьянское хозяйство, буквально затоплявшее землевладельческие островки. Меня концепция И. Я. Фроянова не убедила». Ответ на сомнения крупнейшего ученого и был дан в 1980 году.

Официальная наука ответила массовой атакой: публикациями, использованием административных рычагов и т. п. Многие выступления иначе как политическими доносами назвать нельзя. И. Я. Фроянова обвиняли в отходе от марксистско-ленинских взглядов, в приверженности методологическим принципам буржуазной историографии, «непатриотическим»

тичности» его концепции истории России и т. п. В кулуарах распускались слухи о его якобы «нерусском происхождении», о связях с «еврейскими кланами» и т. п. За всем этим стояло не только неприятие инакомыслия или расхождение по научным позициям, но и недопонимание самой концепции, настолько она выбивалась из тех жестких рамок стереотипов, в которых формировались взгляды советских исследователей того времени. Поэтому одни, например, утверждали, что И. Я. Фроянов рассматривает Русь XI–XII веков как родоплеменное общество. Другие, напротив, приписывали И. Я. Фроянову взгляд на древнерусское общество как рабовладельческое. Естественно, и то, и другое утверждение не находит опоры в работах И. Я. Фроянова. Впрочем, возможно, здесь было и заведомое искажение точки зрения ученого. Как бы там ни было, но даже исследователи, лично поддерживающие дружеские отношения с И. Я. Фрояновым и сочувственно относящиеся к его концепции, также порой допускали досадные ошибки (например, что начало феодальных отношений он ведет с XII века). В этой связи, думается, В. Т. Пашуто был искренен, когда писал в рецензии на вторую монографию И. Я. Фроянова: «Видя на переплете этой книги год 1980-й, не веришь своим глазам: так далеко ее содержание от того, что находят в Древней Руси современные советские историки, так близка она тому, что, казалось бы, давно осталось за пределами нашей историографии»¹⁰. В. Т.

¹⁰ Под оставшимся «за пределами нашей историографии» подразумевались так

Пашуто был глубоко прав – концепция И. Я. Фроянова принципиально отличалась от устоявшихся, догматических схем древнерусской истории.

Надо сказать, что вопрос о том, марксист ли И. Я. Фроянов, занимал умы не только его оппонентов, скрупулезно сверяющих цитаты из классиков в его работах с оригиналом¹¹. Интересовал он и его друзей и коллег. Однозначного ответа на этот вопрос, думаю, сейчас не даст и сам Игорь Яковлевич. Очевидно одно: взгляды И. Я. Фроянова никак не укладывались в прокрустово ложе того марксизма, который исповедовался официальной наукой, и, естественно, его оппонентами. В то же время он максимально использовал потенциальные возможности марксистской методологии, хотя и не ограничивался ею.

Наступила эпоха «перестройки» и последующие события, связанные с кардинальными изменениями в жизни государства и общества. Перемены затронули и историческую науку. Пока многие бывшие оппоненты «перестраивались», порывая с коммунистическим прошлым, И. Я. Фроянов про-

называемые «буржуазные» концепции исторического процесса, в приверженности к которым и обвинялся И. Я. Фроянов.

¹¹ Ситуация порой приобретала комичный характер. В 1986 г. В. Г. Бортневский рассказал автору данных строк историю, непосредственным очевидцем которой являлся. Зайдя как-то в Государственную публичную библиотеку, он увидел за первым столом читального зала одного из наиболее активных оппонентов И. Я. Фроянова. Перед ним лежали монографии И. Я. Фроянова 1974 и 1980 гг. и несколько томов сочинений классиков марксизма, по которым ученый муж скрупулезно сверял цитаты.

должал плодотворно работать в ранее заданном направлении. Отречься от прежних взглядов у него не было необходимости. С 1986 года у него выходит целый ряд работ, среди которых наиболее значимые: «Становление и развитие раннеклассовых обществ» (Л., 1986, в соавторстве); «Города-государства Древней Руси» (Л., 1988, в соавторстве); «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии» (Л., 1990); «К истории зарождения Русского государства» // Из истории Византии и византиноведения. (Л., 1991); «Мятежный Новгород» (СПб., 1992); «Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы» (СПб., 1995); «Рабство и данничество у восточных славян» (СПб., 1996); «Былинная история» (СПб., 1997, в соавторстве); «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя» (СПб., 1999, издание текста диссертации 1973 года) и др.

А в это время оппоненты из числа «перестроившихся» прежних ортодоксальных марксистов продолжали атаку на его концепцию, но уже обвиняя автора не в отходе от марксизма, а в приверженности марксистским взглядам, в развитии сталинистских идей и т. п. Главная «вина» И. Я. Фроянова, видимо, заключалась в том, что он не стал огульно охаивать прошлое, вычеркивать из биографии страны важный и отнюдь не самый мрачный период ее истории, период горьких разочарований и великих побед. Не мог он безропотно воспринимать и эпоху безвременья, которым характе-

ризовались последний период правления М. С. Горбачева и президентство Б. Н. Ельцина. Развал великой державы, тотальное обнищание народа, начавшееся вымирание нации, насаждавшиеся принципы бездуховности острой болью отзывались в его сердце. Историк России, русского народа не мог оставаться равнодушным к обрушившимся на Отечество испытаниям. Попытки разобраться в причинах постигших страну и народы России бедствий побудили И. Я. Фроянова обратиться к изучению новой и новейшей истории страны. Итогом стал выход в свет двух монографий: «Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего)» (СПб., 1997) и «Погружение в бездну» (СПб., 1999).

Достоинство последних работ заключается в том, что И. Я. Фроянов попытался по новому подойти к изучению социальных катаклизмов XX века. В поисках истоков последующих бед России он обращается к реформам Петра и рассматривает цепь событий до настоящего времени. Другим важным моментом в изучении поставленной проблемы является отход от жесткого детерминизма и «линейного» подхода в объяснении исторических явлений, будь то революция 1917 года или современные события. Один из недостатков большинства и прежних, и современных трудов, посвященных революционным катаклизмам XX века, заключается в том, что события и процессы в них трактуются детерминированно, через призму сугубо внутреннего развития общества. Тем самым общество рассматривается как замкнутый

организм, не подверженный внешнему влиянию. И. Я. Фроянов показывает, что это не так, что историю России нельзя рассматривать изолированно, вне воздействия внешних сил, в том числе и разрушительных.

К числу достоинств и особенностей научного творчества И. Я. Фроянова следует отнести и необычайно широкий для современного исследователя диапазон изысканий, с точки зрения как объекта исследования, так и временных и территориальных рамок. Помимо уже указанных выше работ, перу его принадлежат труды по истории крестьянских переходов, проблеме черносочного землевладения, становлению и эволюции монархии в России, столыпинским реформам и др. Хорошо владея материалом по всемирной истории, И. Я. Фроянов всегда стремится к широким обобщениям и сравнительно-историческому анализу. В то же время он, как никто другой, умеет извлечь максимум информации из источника, мастерски вписать ее в контекст исторических процессов, окунуть читателя в колорит и своеобразие изучаемой эпохи.

Предлагаемая читателю работа И. Я. Фроянова «Начало христианства на Руси» увидела свет в 1988 году в составе коллективного труда «Христианство. Античность. Византия. Древняя Русь», написанного в соавторстве с Г. Л. Курбатовым и Э. Д. Фроловым. За прошедшее с тех пор время произошли кардинальные изменения и в обществе, и в историографии. Не остались неизменными и взгляды И. Я. Фроя-

нова, в том числе и на роль Русской Православной Церкви. Но главные положения (о причинах христианизации Руси и связи ее с процессами феодализации, степени распространности христианства в Древней Руси, роли церкви в обществе, жизнеспособности язычества и т. п.) выдержали испытание временем, хотя отдельные оценочные, эмоциональные моменты нуждаются в корректировке.

Определенную резкость, допущенную автором в оценках христианизации, можно объяснить обстоятельствами времени написания книги. Основной спор среди историков Древней Руси вращался вокруг феодальной формации. И. Я. Фроянов занял особую позицию, доказывая, что феодализма в Древней Руси не было, можно лишь вести речь об элементах феодального уклада. Это давало повод его оппонентам, при дефиците научных аргументов, для открытого обвинения в отходе от марксизма, в отрицании формационной теории и т. п.¹².

¹² Особенность ситуации времени написания книги придавало и то обстоятельство, что в 1985 г. в журнале «Вопросы истории» была инициирована дискуссия по проблеме генезиса феодализма на Руси, острière которой, по первоначальному замыслу, направлялось против концепции И. Я. Фроянова. Открылась дискуссия статьей М. Б. Свердлова, в которой автор, помимо прочего, писал: «Мнение Фроянова о социальном строе Древней Руси возвращает, с некоторыми изменениями, к концепциям Ключевского, Павлова-Сильванского, Сергеевича, Костомарова, Погодина и славянофилов, а также к теориям буржуазной историографии второй половины XIX – начала XX вв., в которых Фроянов видит «историографические и историко-социологические предпосылки» современного исследования городов-государств Киевской Руси. Поэтому вместо форм раннеклассовой борьбы в процессе становления феодального общества X–XII вв. Фроянов видит

При этом динамика полемики была следующей. Л. В. Черепнин в рецензии на докторскую диссертацию и вышедшую на ее основе монографию И. Я. Фроянова выразил сомнения в возможности связать взгляд последнего на социально-экономический строй Древней Руси с политической надстройкой. Как бы принимая вызов, И. Я. Фроянов ответил монографией 1980 года. Однако у его оппонентов в арсенале хранился еще один неотразимый, как они считали, аргумент. Его и применил В. Т. Пашуто в своей разгромной рецензии на монографию И. Я. Фроянова. Доказывая «несостоятельность» выводов последнего о дофеодальном характере древ-

межплеменную борьбу, столкновения в XI в. «племенной верхушки с демократической частью свободного населения», политические конфликты между князем и вечем, о чем писали историки второй половины XIX – начала XX вв.» (Свердлов М. Б. Современные проблемы изучения генезиса феодализма в Древней Руси // *Вопр. истории*. 1985. № 11. С. 80–81). В определенных кругах с нетерпением ждали выхода данной статьи, направленной против «непатриотичной концепции Фроянова», которая, как говорилось в частных беседах, должна была «поставить все на свои места». Однако время для «дискуссии» было выбрано неподходящее. Страна вступала в эпоху «перестройки» и «гласности», и вскоре проблема феодализма стала утрачивать былую злободневность. Обращение к достижениям дореволюционной немарксистской историографии также постепенно перестало рассматриваться в качестве «криминала». Poleмика несколько лет велась ни шатко ни валко, дали даже возможность высказаться сторонникам И. Я. Фроянова. Однако ни сам И. Я. Фроянов, ни ряд его наиболее серьезных оппонентов, статьи которых редакция журнала планировала опубликовать в рамках дискуссии, так и не скрестили копыя в открытой полемике. Дискуссия незаметно угасла. Ее затуханию способствовала не только изменившаяся конъюнктура, но и позиция ряда маститых ученых, которые соглашались включиться в полемику только после выступления в печати своего основного оппонента. Таким образом, никто не хотел уступать.

нерусского общества, он, помимо прочего, заявил: «Ранне-феодалное право было санкционировано христианской, т. е. феодальной церковью, о политической роли которой И. Я. Фроянов также хранит молчание. Или, быть может, он полагает, что принятие христианства Русью не имеет отношения к ее феодализации и представляет собой волевой акт покаявшегося в грехах великого князя Владимира?»¹³. Как видим, для В. Т. Пашуто понятия «христианский» и «феодальный» являются синонимами, а крещение Руси а priori свидетельствует о ее феодальном характере.

Сейчас, возможно, подобный аргумент у некоторых читателей вызовет снисходительную улыбку. Однако тогда он рассматривался как весьма серьезный довод, поскольку положение о том, что христианство является религией феодального общества, а крещение – следствие процесса феодализации, у советских историков не вызывало сомнений, воспринималось как аксиома. Поэтому работа по христианизации Руси явилась для И. Я. Фроянова и своеобразным ответом критикам, и очередным элементом в структуре возводимой им концепции Древней Руси. Имелся и подходящий повод – приближающийся 1000-летний юбилей крещения Руси. Это была первая за годы советской власти религиозная дата, отмечаемая на общегосударственном уровне.

Главное для И. Я. Фроянова в данной работе – показать,

¹³ Пашуто В. Т. По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» // Вопр. истории. 1982. № 9. С. 176.

что принятие христианства не было прямо связано с определенным уровнем развития феодализма в Древней Руси, что процессы феодализации и христианизации нельзя сводить к единой универсальной детерминированной модели, что идущее от классиков марксизма представление о христианстве как религии феодального общества не вполне верно. Христианство возникает задолго до становления феодальных отношений и гибко приспосабливается к господствующей системе социальных связей. Поэтому «нет никаких оснований рассматривать церковь как ускоритель феодализации Древней Руси, а христианство – как классовую идеологию, освящавшую феодальное угнетение». «На Руси церковь встретилась с доклассовым обществом, к которому ей пришлось приспособливаться». Наблюдения над собственно русской историей и сравнительный исторический анализ позволили ему достаточно убедительно отстоять свою точку зрения¹⁴. Таким образом, И. Я. Фроянов справедливо протестовал против положения о том, что принятие Русью христианства было обусловлено становлением феодализма. Но, как обычно бывает в таких случаях, он пошел несколько дальше, чем следовало, впадая в другую крайность. Советские историки признавали прогрессивность христианства

¹⁴ К сходным выводам пришли Э. Д. Фролов и Г. Л. Курбатов, рассматривая процессы распространения христианства в античном мире и в Византии. Написанные ими соответствующие разделы, безусловно, явились важной теоретической и методологической базой, позволяющей И. Я. Фроянову более убедительно обосновать свое видение проблемы христианизации Руси.

прежде всего в том плане, что оно способствовало укреплению феодального строя, более прогрессивного, с их точки зрения, по сравнению с первобытнообщинным. И. Я. Фроянов, поддавшись данной логике рассуждений, пришел к обратному выводу. Принятие христианства не имело прогрессивного характера, поскольку было обусловлено не процессами феодализации, а стремлением киевской общины сохранить власть над подвластными восточнославянскими землями, т. е. — освятить религией существующий порядок вещей, рушившийся под напором распада родоплеменных связей. Не стоит забывать и о том, что обвинения в отсутствии марксистского подхода в советские годы являлись отнюдь не безобидными. Единственно возможным тогда способом защиты было всяческое подчеркивание приверженности к марксистской методологии, подкрепление своих взглядов ссылками на работы классиков марксизма, в которых можно найти высказывания, подходящие, практически, под любую концепцию. Отсюда и некоторая острота высказываний и положений И. Я. Фроянова, наступательная форма защиты своих взглядов.

Поскольку христианство принималось, с точки зрения автора, в интересах поляно-киевской общины и было санкционировано вечем, то в собственно Киевской земле этот процесс проходил относительно спокойно. Однако к подвластным Киеву племенам новая религия приходила с огнем и мечом. При этом, как убедительно показал автор, распростра-

нение христианства за пределами Киевской земли тормозилось не только религиозными причинами (приверженностью к языческим традициям и нравам населения, в том числе и верхов общества), но и политическими, т. к. являлось инструментом укрепления киевского господства в других землях. Это вполне понятное и широко распространенное явление: западные славяне, по единодушным сведениям источников, отождествляли распространение христианства с распространением немецкого господства, а борьба с христианизацией являлась и борьбой за национальную независимость.

И. Я. Фроянов очень убедительно показал жизнеспособность язычества в Древней Руси, наличие в XI–XII веках «двоеверия» (оязыченного христианства), с одной стороны, и чистого язычества – с другой. «...Только позднее, на протяжении второй половины XIII, XIV и XV столетий, когда христианство окончательно утвердилось на Руси и все русские люди стали (во всяком случае, формально) христианами, язычество как самостоятельное вероисповедание отошло в прошлое». Поэтому на прямо поставленный вопрос: что в большей степени определяло мировоззрение древнерусского общества – язычество или христианство, автор отвечает – язычество.

Отмечая жизнеспособность язычества на Руси, И. Я. Фроянов указывает «на узость социальной базы христианства в древнерусском обществе». Не было у Русской Церкви и серьезной экономической базы. Церковное землевладение

играло скромную роль в системе социально-экономических связей Древней Руси, а церковная десятина выделялась из княжеских доходов, что, в отличие от ситуации в Западной Европе, не давало русскому духовенству возможности для закабаления населения. Вместе с тем, вряд ли так категорично можно вести речь о том, что христианство поначалу «не имело и прочной политической основы», поскольку «общевосточнославянский межплеменной союз, для реанимации которого было принято в Киеве христианство, неудержимо рушился, и на смену ему пришли... города-государства». Этой же «форме политической организации вполне соответствовало язычество...». Видимо, не следует жестко подгонять конфессиональные и политические системы. Ведь в те же средние века государственные образования, если так можно выразиться, «малых форм», не являлись исключением, да и города-государства отнюдь не были несовместимы ни с феодализмом, ни с христианством. Хотя церковь на Руси, по мнению автора, не утверждала феодальный общественный строй и феодальную государственность, ее представители принимали деятельное участие в общественной и политической жизни XI–XII веков. Но это не было инициативой церкви: «...Она поступала так, как требовали господствующие в Древней Руси нравы и порядки». Истоки такого положения дел И. Я. Фроянов находит в языческой эпохе истории восточных славян, когда служители культа играли важную роль в общественных делах, ограничивая власть

князей: В свою очередь, «восточнославянские князья нередко исполняли жреческие функции». Таким образом, «у восточных славян не было четкого разграничения между религиозными и светскими занятиями», что «в значительной мере и предопределило положение церкви в древнерусском обществе в качестве учреждения не только религиозного, но и социально-политического». Справедливости ради следует отметить, что и в других странах, особенно католических, церковь активно участвовала в жизни общества, и это понятно. В эпоху средневековья весь спектр социальных, политических, экономических и культурных связей был пронизан религиозностью. Иными словами – религия была неотделима ни от культуры, ни от экономики, ни от политики. Естественно, что роль церкви была разноплановой.

Более важна и принципиальна другая, отмечаемая И. Я. Фрояновым, особенность древнерусской церкви. На Руси не только духовенство активно участвовало в общественно-политической жизни, но и городские общины принимали участие в избрании руководителей церкви: епископов и даже игуменов. Этот строй отношений автор объясняет тем, «что духовенство на Руси XI–XII веков являлось в некотором роде мирским институтом, поскольку оно в лице своих высших иерархов осуществляло общепользные гражданские функции, связанные с судопроизводством, управлением, политикой и другими сферами древнерусской жизни. Иереи выступали в качестве общественных лидеров, на которых возла-

гальась обязанность обеспечения благоденствия общины, ее внутреннего и внешнего мира... Высшие духовные чины являлись не только религиозными деятелями, но и представителями общинной власти...». И. Я. Фроянов убедительно возражает «против весьма распространенного заблуждения, согласно которому церковь находилась в подчинении князя-монарха, подобно тому, как она подчинялась византийскому императору». Поскольку, согласно концепции И. Я. Фроянова, «древнерусский князь – это не император и даже не монарх, ибо над ним стояло вече, или народное собрание, которому он был подотчетен», то речь «необходимо вести... о подчинении... церковных начальников не столько князьям, сколько городским вечевым общинам. В этом заключалось своеобразие духовенства в Киевской Руси в сравнении с Византией, а тем более с католическими странами Западной Европы».

Таким образом, с точки зрения И. Я. Фроянова, в социальной системе Древней Руси церковь не столько ведущее, сколько ведомое учреждение. Поэтому она не могла играть роль ускорителя в области социального развития. Втянутая в сутолоку общественной жизни, обремененная многочисленными гражданскими функциями, церковь «не имела достаточно времени и сил, чтобы сосредоточить свою деятельность на распространении христианства и его утверждении над язычеством», в чем «заключается одна из причин устойчивости языческой религии в домонгольской Руси».

Мы остановились лишь на некоторых, наиболее принципиальных, на наш взгляд, проблемах, поднимаемых и решаемых в книге И. Я. Фроянова. Внимательно прочитав ее, читатель найдет ответы на многие вопросы, связанные с религиозными воззрениями наших предков, социальной, политической и повседневной историей Древней Руси. Вместе с тем, под впечатлением от прочитанного у него возникнет немало новых вопросов. И это естественно. Несомненное достоинство работ И. Я. Фроянова заключается в том, что они будят мысль, рассчитаны не на простое усвоение информации, а на активное, творческое восприятие. В этой связи хотелось бы обратить внимание на отдельные стороны проблемы христианизации Руси, не нашедшие еще должного освещения в литературе.

Знакомясь с работой И. Я. Фроянова, читатель увидит яркие и убедительные примеры живучести язычества в Древней Руси. Однако по-прежнему актуальным остается вопрос о том, кем ощущали себя сами древнерусские люди – язычниками или христианами? Вопрос весьма сложный и к нему следует подходить дифференцирование. С сохраняющейся массой язычников, видимо, понятно. Они себя таковыми и воспринимали. С двоеверием уже гораздо сложнее. В Древней Руси под двоеверием понималось участие в отправлении и христианского, и языческого культов. С точки зрения формальной, приверженцы такового – язычники, а Иисус Христос для них – один из богов. Вместе с тем, степень рели-

гиозной самоидентификации у двоеверцев могла быть различной. Наконец, были и собственно христиане, отдававшие, в той или иной степени, дань традиции, не воспринимая ее как языческую. Несомненно, например, что князья, по крайней мере, подавляющее большинство, считали себя христианами. Вместе с тем, в их захоронениях находим следы языческого ритуала (оружие, остатки пищи...). Однако наличие последнего не позволяет нам считать погребенных язычниками. Сложнее обстоят дела с аналогичными погребениями простых людей. Кем считали себя при жизни те, кто похоронен по такому обряду? Ответить на данный вопрос пока, по видимому, не представляется возможным.

Другой, не менее важный вопрос. Все ли так называемые проявления языческого мировоззрения уходят корнями в собственно славянское язычество либо присущи реальному христианству и связаны с заимствованиями, в том числе византийскими? И. Я. Фроянов верно отмечает, что в летописных повествованиях о внешних войнах отразился «языческий по сути взгляд на богов». Но если мы обратимся к христианской традиции, то легко обнаружим там сходные явления, увидев активное участие в земных делах небесных сил¹⁵. И древнерусские произведения не выбиваются из этого типологического ряда.

Учитывая роль византийской традиции на Руси, можно предполагать, что тот же обычай хранения в церквях «пор-

¹⁵ См. статью В. В. Пузанова в Приложении III.

тов» князей, на который обращает внимание И. Я. Фроянов, мог быть связан с византийским обычаем хранения в храмах императорских одежд. Популярность культа Богородицы на Руси могла заключаться также не только в том, что Матерь Божья «отождествлялась с женскими божествами плодородия, в частности с Рожаницами». Богородица была популярна и в Византии, и на Западе. Это может объясняться как преемственностью с языческими культами, так и христианскими представлениями, что сердце Богородицы наиболее отзывчиво к людским страданиям и нуждам, а ее молитвы перед Господом наиболее действенны.

Как бы там ни было, выделение собственно языческих элементов в христианстве – задача весьма сложная. Причина, видимо, заключается в том, что между христианством и развитым язычеством нет непроходимой стены (при всех, конечно, имеющихся серьезных различиях¹⁶), и оно в разных географических, этнических и культурных условиях своего развития активно впитывало элементы местных, языческих традиций. Эти «заимствования», в том числе и античные, трансформируясь в новой системе духовных ценностей, становились органичным и неотъемлемым элементом христианской традиции. Но даже если они и выходили за рамки последней, то далеко не всегда являлись антихристианскими.

Будучи историком и стремясь к объективности, И. Я.

¹⁶ И. Я. Фроянов правильно указывает на компенсаторную функцию, как одну из главных отличительных черт христианства и язычества.

Фроянов дает порой достаточно жесткие оценки деятельности и Русской Церкви, и духовенству. Вместе с тем, по своим убеждениям, мировоззрению и основополагающим принципам он является носителем православных ценностей, человеком православным. Ярким примером подвижничества и благочестия для него стал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев), светлой памяти которого он посвятил одну из своих последних книг. Жизнь и творчество владыки, незабываемые минуты личного общения с ним оставили в душе И. Я. Фроянова неизгладимый след, во многом предопределили его современную гражданскую позицию и направленность научной и общественной деятельности. Как и для владыки Иоанна, для И. Я. Фроянова Православная церковь сегодня «осталась последним бастионом нравственного здоровья народа, последним выразителем русского самосознания, не изуродованного идолопоклонничеством перед фальшивыми «общечеловеческими» ценностями», «последняя скрепа, соединяющая русский народ в единое целое»¹⁷.

Настоящая публикация работы И. Я. Фроянова снабжена приложением, в котором представлены выдержки из древнерусских и зарубежных источников, позволяющие читателю более полно и объективно представить процесс христианизации в домонгольской Руси и религиозные воззрения во-

¹⁷ Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (Глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 135.

СТОЧНЫХ СЛАВЯН.

Глава 1

Восточнославянское общество VIII–X вв. и христианская религия

Давно отошли в область историографических легенд представления о восточных славянах как народе полукочевом, занимавшемся преимущественно охотой, рыболовством, бортничеством и другими лесными промыслами. Еще в 30-х годах текущего столетия выдающийся советский историк Б. Д. Греков пришел к убеждению, что производственная база восточного славянства и населения Древней Руси основывалась прежде всего на земледелии. Последующий рост исторических знаний лишь подкреплял этот фундаментальный вывод ученого. Сейчас мы с полной уверенностью можем говорить: главным «занятием славян второй половины I тысячелетия н. э. было сельское хозяйство, причем ведущей отраслью его являлось земледелие»¹⁸. Характер земледелия отличался в зависимости от географических условий. В южных лесостепных областях оно сравнительно рано стало пашенным. Почва обрабатывалась орудиями, снабженными наральниками (сошниками) и череслами (плужными ножами). Это были сравнительно совершенные пашен-

¹⁸ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 117.

ные орудия плужного типа, не просто бороздившие почву, а подрезавшие землю и отваливавшие ее. В качестве тягловой силы использовалась лошадь.

Восточный славяне, жившие в лесостепной зоне, выращивали твердую и мягкую пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо. Хлеб жали серпами, зерно хранили в специальных ямах, а перерабатывали на муку с помощью ручных жерновов.

В северных лесных районах Восточной Европы заметную роль играло подсечное земледелие. Вплоть до XX века оно бытовало в Архангельской, Вологодской, Олонецкой и других губерниях русского Севера. Технология подсечного земледелия заключалась в следующем: сначала деревья «кружили» или «огранивали», то есть снимали кору вокруг или вдоль ствола, затем валили; осенью приступали к «тереблению ляда», а следующим летом – жгли. Сеяли прямо в золу. В процессе трудового опыта сложилось правило: «Сей пшеницу по теплomu ляду». На хорошо выжженных подсеках получали неплохие урожаи – примерно 16–18 центнеров с гектара. Однако существенный недостаток подсечного земледелия состоял в том, что обработанная огнем почва плодоносила два-три года, после чего участок возделанной земли забрасывали. Подсечное земледелие не было единственным в лесной зоне. Здесь постепенно утверждалось и пашенное земледелие» что подтверждают археологические данные. В Новгороде, например, среди зерен ржи, найденных археологами в слое XI–XII веков, обнаружено

много семян сорных растений: подмаренника, пикульника, гречишки развесистой и выюнковой, редьки полевой. Такая засоренность не могла иметь место на свежих, только что освоенных землях. Значит, новгородская рожь возделывалась не на подсеках и целинных землях, а на старопахотных, сильно засоренных почвах. Однако пашенное земледелие распространялось преимущественно в обжитых, многолюдных местах.

Другая важная отрасль восточнославянского хозяйства – скотоводство. О нем мы судим по извлеченным археологами костным остаткам. Если считать, что костные остатки более или менее верно отражают соотношение домашних животных внутри стада, то первое место должно быть отдано крупному рогатому скоту – примерно 50 процентов.

Разведение крупного рогатого скота обеспечивало восточных славян мясом, молоком и молочными продуктами. Определенное значение его просматривается и в языческих воззрениях: бык у славян – жертвенное животное. Византийский писатель VI века Прокопий Кесарийский сообщает, что славяне и анты приносят в жертву своему богу, творцу молний, быков и «совершают другие священные обряды». По словам араба Гардизи, славяне «почитают быка».

К исходу I тысячелетия н. э. в сельском хозяйстве восточных славян наблюдаются несомненные успехи. Уровень производительных сил, особенно в земледелии, оказался настолько высоким, что сохранялся на протяжении многих по-

следующих столетий. Сельское хозяйство обеспечивало восточнославянскому обществу устойчивый и достаточно значительный прибавочный продукт, что, безусловно, способствовало разделению труда, в частности выделению ремесла в самостоятельную отрасль хозяйственной деятельности.

Раскопки восточнославянских поселений VIII–IX веков наглядно показывают обособление железоделательного производства, железообработки, ювелирного, косторезного и гончарного дела¹⁹. Появляются ремесленники-профессионалы, обслуживавшие «всех членов общины в силу своей принадлежности к ней»²⁰. Происходил обмен взаимными услугами: земледелец снабжал ремесленника продуктами сельского хозяйства, ремесленник земледельца – своими изделиями. Это была стадия общинного ремесла, прослеживаемого у всех древних народов. Специфика его заключается в том, что профессиональные ремесленники не порывали со своей общиной, живя нередко бок о бок с земледельцами. Вот почему на восточнославянских поселениях археологи нередко встречают ремесленные мастерские. Иногда возникали специализированные поселки, где жили и работали главным образом ремесленники.

Такие поселения можно рассматривать как признаки

¹⁹ См.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 119; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. С. 149; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 240–242.

²⁰ Массон В. М. Ремесленное производство в эпоху первобытного строя // Вопросы истории. 1972. № 3. С. 110.

внутриплеменного и межплеменного обмена. Однако нельзя преувеличивать значение внутреннего обмена в восточнославянском обществе, возводя его в степень развитых товарно-денежных отношений. А именно так поступают некоторые исследователи, утверждая, будто экономика восточного славянства VIII–IX веков «испытывала сильнейшую потребность в металлических знаках обращения»²¹. Замечательный знаток восточнославянских древностей И. И. Ляпушкин называл подобные заявления кабинетными выкладками. Действительно, у нас нет полноценных источников, подтверждающих наличие развитого внутреннего обмена и торговли у восточных славян обозреваемого времени. Причина тут более или менее ясна: «ремесло у славян в VIII–IX веках делало лишь первые шаги»²².

Но самое главное заключалось в том, что оно переживало в своем развитии общинный этап, что обуславливало экономическую замкнутость тех или иных общественных союзов. Несравненно явственнее, чем внутренняя, просматривается в исторических материалах внешняя торговля. Она осуществлялась с народами Кавказа, Средней Азии и других регионов юго-востока. Ярким подтверждением тому являются открытые археологами клады восточных монет на славянской территории. «Если исходить из имеющихся в рас-

²¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 87.

²² Ляпушкин И. И. Указ. соч. С. 149.

поряжении исследователей куфических монет, возникновение обмена между славянами Восточной Европы и народами юго-востока следовало бы отнести к середине VIII столетия»²³.

В IX–X веках начинает активно действовать Днепровско-Волховский путь, по которому восточное славянство, а затем и Русь вели торговлю с Византией, а также странами Северной Европы. Торговые связи устанавливаются и с народами Западной Европы. Предметами ввоза стали цветные металлы, украшения, драгоценные ткани, масло, вино, овощи и фрукты, оружие. Вывозились продукты сельского хозяйства, лесных промыслов – мед, воск, кожи, меха. Торговали и рабами. Внешний обмен занимал в хозяйственной деятельности видное место, но не определял развитие восточнославянского общества.

Такова изложенная в самых общих чертах материальная культура восточного славянства. Она выступает значительно более зримо, чем духовная, о которой мы знаем мало. До нас дошли отзвуки устного творчества тех отдаленных времен в виде различных преданий, которые слагались и передавались от поколения к поколению для того, чтобы сохранить в памяти потомства наиболее важные события в жизни родов и племен. Во времена восточных славян создавался героический былинный эпос, достигший расцвета в эпоху Киевской Руси. Кое-что известно о языческих воззрениях

²³ Там же. С. 451.

восточнославянского общества. Правда, наши знания весьма ограничены из-за скудости исторических сведений. И тем не менее данные, которыми располагает современная наука, позволяют составить общее представление о язычестве восточных славян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.